

Алекперова Л.З.,

диссертант Института литературы имени Низами Гянджеви
Национальной Академии наук Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: elekberova.lale@mail.ru

ОБРАЗ ФИЗУЛИ В ЛИРИКЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

Поэзия XX века прошла разные этапы в соответствии с политическими событиями. В двадцатом веке Азербайджанская литература получила множество инноваций благодаря различным историческим и литературным изменениям. В то время, когда арабский и персидский языки доминировали над турецким языком, Физули писал пьесы на своем родном языке и играл важную роль в формировании национальной литературы и языка. В статье исследуется влияние наследия Физули на произведения Балаша Азероглу и Али Карима, живших в этот период. Физули был представлен как символ национальной поэзии в творчестве Балаша Азероглу. «Безумная ива» Балаша Азероглу – это произведение, посвященное Физули и его героям. Встреча поэта с этим деревом напоминает ему Физули и его знаменитого героя. «Безумная ива» превращается в символ безумства. Когда Али Карим говорит о самом Физули, он обращается к его творчеству. Али Карим вспоминает Физули в своем стихотворении «Азербайджан» и называет его «всемирно известным мастером слова, который видит все оттенки любви». В статье все эти вопросы были исследованы на обширном материале из творчества этих поэтов современности.

Ключевые слова: Физули, поэт, влияние, любовь, творчество.

Alekberova Lale Zakir gizi,

Dissertant of Nizami Ganjavi Institute of Literature
of National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Azerbaijan, Baku, e-mail: elekberova.lale@mail.ru

Fuzuli's image in the Azerbaijani lyrical poetry of the XX century

The history of XX century poetry has gone through various stages in accordance with the political events. Throughout of the XX century Azerbaijan literature by experiencing different historical and literary changes has gained numerous innovations. In the period when Arabian and Persian languages dominated over Turkish language, Fuzuli has written works in his mother tongue and played a major role in the formation of national literature and language. In the article adherence to Fuzuli's heritage is seen in Balash Azeroghlu's and Ali Karim's creative work who lived in that period. In Balash Azeroghlu's creative work Fuzuli was introduced as a symbol of national poetry. Balash Azeroghlu's "Majnun Willow" poem is a work dedicated to Fuzuli and his heroes. The poet's meeting with this tree reminds him Fuzuli and his famous hero. By its own epithet "Majnun willow" turned into a symbol of madness of love. While emphasizing Fuzuli, Ali Karim uses his creativity. Ali Karim recalls Fuzuli in his poem "Azerbaijan", calling him "a open-hearted master who feels all the shades of love". Generally, Fuzuli is presented as a symbol of whole Azerbaijan in the XX century Azerbaijan poetry. Ali Karim also emphasizes opening the door of art and poetry by Fuzuli's influence, his master's role in joining this magical world, and considers him as a teacher.

Key words: Fuzuli, poet, influence, love, creativity.

Алекперова Лала Закир кызы,

Азербайжан Ұлттық ғылым академиясы Низами Гянджеви атындағы
Әдебиет институтының диссертанты,
Әзербайджан, Баку қ., e-mail: elekberova.lale@mail.ru

XX ғасыр Азербайжан ақындары лирикасындағы Физули образы

XX ғасыр поэзиясы саяси оқиғалармен қабаттаса отырып түрлі кезеңдерден өтті. Жиырмамыншы ғасырда Азербайжан әдебиеті түрлі тарихи және әдеби өзгерістерге байланысты көптеген жаңалықтарға ие болды. Араб, парсы тілдері түркі тілдерінен үстем болып тұрған кездің өзінде Физули пьесаларын ана тілінде жазуы арқылы ол ұлттық әдебиет пен тілді

қалыптастыруда маңызды роль атқарды. Мақалада Физули мұраларының Балаша Азероглу және Али Карим шығармаларына тигізген ықпалы туралы айтылады. Физули бұл кезеңде Балаш Азероглу шығармашылығында ұлттық поэзияның символы сияқты болды. Балаш Азероглудың «Безумная ива» шығармасы Физулиге және оның кейіпкерлеріне арналған туындысы еді. Ақынның бұл ағашпен кездесуі оған Физулиді, оның атақты кейіпкерін еске түсіреді. «Безумная ива» ақылсыздық символына айналады. Али Карим Физули туралы айтқанда оның шығармашылығына көңіл бөледі. Али Карим Физулиді өзінің «Азербайжан» атты өлеңінде еске ала отырып, оны «Махаббатың бүкіл нәзік қырларын көре білетін сөздің дүниежүзіне белгілі шебері» деген баға береді. Мақалада осы мәселелердің барлығы қазіргі заман ақындарының шығармашылығынан алынған мол материалдар негізінде зерттеледі.

Түйін сөздер: Физули, ақын, ықпал, махаббат, шығармашылық.

Введение

Азербайджанская поэзия XX века в соответствии историко-политическим событиям прошла через разные этапы. Этот процесс проходил в соответствии с историческими событиями. Революции, происходившие в начале века, стали причиной нововведений в обществе. Азербайджанская литература, на протяжении XX века испытывавшая различные исторические и литературные перемены, в течение одного века пережила множество новшеств. Так, эти нововведения проявились и в области поэзии. Отдаление от классиков, направление к новизне было основным замыслом «Советской идеологии» в XX веке, что проявлялось в творчестве многих поэтов. Однако не забывшие свою национальную идентичность Азербайджанские поэты, по возможности обращались к классическим традициям. Таким образом, даже потребность эпохи не смогла стереть следы Физули.

Хотя Мирза Фатали Ахундзаде в своей статье «Поэзия и проза» попытался сломать магию Физули, но сферу воздействия гениального поэта на своих последователей уменьшить не смог. Не только в XIX, даже в XX веке для многих представителей слова и искусства творчество Физули оставалось примером. В этом контексте в XX веке в творчестве разных поэтов встречаются посвященные Физули стихотворения и поэмы, символические выражения и фразы. В этом смысле особое внимание привлекает творчество таких поэтов, как Микаил Мушфиг, Ахмед Джавад, Балаш Азероглу, Самед Вургун, Али Карим, Бахтияр Вахабзаде.

Эксперимент

Поэма Балаша Азероглу «Безумная ива» посвящена великому Азербайджанскому поэту Физули и его героям. Стихотворение было написано в Берлине:

Berlində yağışlı payız günləri,
Bulud göz yaşıyla uyur şəhəri.
Küçələr bomboşdur, nə səs, nə adam,
Mənsə tək otaqda lap darıxmışam.
Çıxıram şəhərə...
Sısqa yağışda
Göz yaşı axıdır ağac da, daş da.
Kiçik bir meydandan keçdiyim zaman,
Görkəmi pərişan, özü pərişan
Bir məcnun söyüdü görürəm birdən.
Onun qabağında dayanıram mən.
Bir arxın üstündə o durmuşdur tək,
Sakitlik içində fikrə gedərək...
Saçları qarışmış zəmanə kimi,
Özüsə hər şeyə biganə kimi (Azərbaycan, 1991: 122)

*Дождливые осенние дни в Берлине,
Туча своими слезами моет город.
Улицы пустынные, ни звука, ни человека,
А я один в комнате совсем заскучал.
Выхожу в город...
В мелкий дождь
Слезы льет и дерево, и камень.
Когда проходил через площадь маленькую,
Расстроенный и видом, и душой
Безумную иву вижу
Перед ним останавливаюсь я.
Одна она стоит возле канавки,
Задумавшись в тишине...
Волосы спутались, как времена,
А сам как равнодушный ко всему.*

Результаты и обсуждение

Таким образом, встреча Балаша Азериоглу на чужбине с носящим имя Меджнуна деревом напоминает ему Физули и его знаменитого героя. Безумная ива своим эпитетом (*меджнун-безумный*) превратилась в символ безумства:

Busoyuq şəhərdə necə dözüro?
Burda nə axtarı, kimi gözür o?

Məcnun söyüdmüdür belə lal durur?
 Yox, o Məcnun deyil,
 Bir xəyal durur...
 Məcnuna oxşayır görkəmində o,
 Olmamış məcnunluq aləmində o. (Azeroglu, 1991:122)

*Как терпит она в холодном городе этом?
 Что и кого ищет она здесь?
 Не безумна ли ива это так безмолвно стоит?
 Нет, не Меджнун она,
 Стоит некий мираж...
 Внешне похоже на Меджнуна она,
 Все же не была она в мире безумцев.*

Удивляющийся тому, как выросла в холодном и невыгодном климате ива, как оказалась в чужом краю, поэт напоминает, как и герой Физули – Меджнун – не склонился перед правилами своего времени:

Qılıncda, nizə də, oxda, zəncirdə
 Saxlaya bilmədi onu bir yerdə.
 Gəzdi iqlim-iqlim o gənc yaşında
 Məhəbbət, sədaqət, haqq savaşında
 Neçə hökmdarı saldı taxtından,
 Neçə səngavər də kəsib baxtından
 Məcnunla duranda qabaq-qabağa
 Qanlı qılıncını atdı torpağa. (Azeroglu, 1991:123)

*Ни меч, ни копье, ни стрела, ни цепь
 Не удержали его на одном месте.
 В юные годы исходил он места один за другим
 В борьбе за любовь, верность, право
 Сколько правителей сверг с трона
 И сколько рыцарей, обидевшись на судьбу,
 Стоя лицом к лицу с Меджнуном,
 Окровавленный меч бросили на землю.*

Балаш Азероглу вступает в диалог с Меджнуном, которого представил как символ борьбы, и отмечает, что и Физули слушает их и даже присоединяется к ним:

Dağlarda əks olur “Ya Qeys” kəlməsi,
 Onun məhəbbəti, dərdi, nəğməsi
 Sənin həsrətindir, sənin fərağın.
 İnsanın, dövrünün, bir də toprağın,
 Mən illik dərdini danışır bizə.
 Sanki Füzuli də qarışır bizə
 Ona qulaq asır... (Azeroglu, 1991: 124)

*В горах отображаются слова «эй, Гейс»,
 Его любовь, горе, песня
 Твоя тоска, твоя печаль.*

*Человека, эпохи земли,
 Тысячелетнее горе рассказывает нам.
 Словно и Физули присоединяется к нам
 Слушает его...*

Б. Азероглу в поэме по мере необходимости обращается и к творчеству Физули, и пользуется двусторонними поэтами для обоснования и усиления своих взглядов и создания образности. Например:

Eyxəş olməstki, bilməzqəmiəlmənə imiş,
 Nə çəkiraləm üçünqəm, nə bilərqəmnə imiş
 (Azeroglu, 1991: 125)

*Как прекрасно, не зная каковы горечи мира,
 Не печалится о мире, и не знает, что такое печаль.*

Естественно, хотя образ Меджнуна после Низами Гянджеви был воспроизведен пером десятков поэтов, только Физули смог возвысить его до уровня художественного героя, и Балаш Азероглу с сожалением подчеркивает, что после этих двух создавших литературную школу личностей творческие поиски продолжились, однако герои на их уровне созданы не были:

Dedim: – Tarix oldu sən doğan illər,
 Mən tufan içindən keçsə də bəşər
 Səni unutmadı yənə heç zaman.
 İstəyim budur ki, səni bu dövrən
 Yenidən doğaraq öz oğlu kimi,
 Yaşatsın Nizami, Füzuli kimi (Azeroglu, 1991: 126)

*Сказал я: – Историей стали годы, тебя породившие,
 Хоть и прошло сквозь тысячи бурь человечество
 Тебя не забывало никогда.
 Желание мое в том, чтобы тебя время это
 Заново породив, как сына своего,
 Жизнь дала как Низами, Физули.*

В целом, в поэзии XX века Физули представлен в качестве символа национальной поэзии. Мы видим это и в творчестве Балаша Азероглу:

Ey filosof dostum!
 İndi elə oğul istəyir Vətən
 Füzulinin “nəzmi-nazik”
 Yazdığı dildə
 Yadlara meydan oxuya bilsin (Azeroglu, 1991: 105)

*Эй, мой друг-философ!
 Сейчас нуждается Родина в сыне таком
 Что на языке «утонченной поэзии»,*

*На котором Физули писал
Сумел бросить вызов чужакам.*

Естественно, то, что Физули в Багдадской среде, в период чуть ли не господства арабского и персидского языка над тюркским, писал произведения на родном языке, сыграл большую роль в формировании национальной литературы и языка. Преобладание в XX веке на севере Азербайджана русского языка, на юге персидского языка, попытки заставить забыть родной язык, вынуждают Балаша Азероглу стоять на страже языка, и он призывал своих современников присоединиться к этому процессу.

Одним из поэтов азербайджанской поэзии XX века, попавших под магию Физули, был Али Карим. Газели Физули «воспламенили» и его душу:

*Neçə yerdən odlayır ürəyimi
Füzulinin qəzəli.
Arzuları oyadır,
Bulaq üstədən qayıdır.
Başda – yelənmi tir-tir əsən,
Üzdə təbəssümdən – ay (Javad, 2005: 23)*

*В скольких местах воспаляет душу
Газели Физули.
Пробуждают мечты,
Возвращается от источника.
На голове дрожат локоны,
На лице улыбка словно луна.*

В общем, портрет Физули в творчестве Азербайджанских поэтов занимает одно из основных мест, и с такими образцами, которые можно назвать портретными стихотворениями, сталкиваемся и в творчестве Али Карима:

*Dünya səni qocaltdı yaşdın olsun deyə
Gömlüdü dərdin yerə, ucaldı ahın göyə.
Dərdə şərik – dərd özü, sükut – suala cavab.
Qranit dağlar belə, gətirməzdı buna tab.
Füzuli, o nə dövrən!.. – Görsələr yanır insan
Yananaodverdiilər (Karim, 2004: 32)*

*Мир состарил тебя, чтобы ровесником твоим быть
Время твоё закопано в землю, вздох твой поднялся до небес.
Друг печали – сама печаль, тишина – ответ на вопрос.
Даже гранитные горы не выдержали бы это.
Физули, что за время!.. – Увидели б, что горит человек
Горящему подали бы огня.*

В стихотворении в гиперболизированном виде еще раз говорится о горе Физули. Подчер-

кивается старение из-за мыслей о горести мирской, тяжести этой ноши, дохождение до небес и вид на горести Физули со всех сторон древнего Востока. Али Карим, рассказывая о Физули, и сам пользуется его творчеством, в строках «время твоё закопано в землю, вздох твой поднялся до небес» ощущается влияние газели «Не хочу жить без любимой» и в строках «Друг печали – сама печаль, тишина – ответ на вопрос» – влияние строк «Бессилен друг, коварно время, страшен рок, Участья нет ни в ком, лишь круг врагов широк» (Füzuli, 2005: 243). В общем, известность гениального поэта печальными нотками жизни, своими газелями, исполнение газелей мугамными певцами – ханенде являются обращающими на себя внимание в этих изображениях моментами:

*Gəldi kəsdi qapının ağzını şöhrətlə ad.
Ey böyük ustad,
Heyhat,
Ürəyində oada, şöhrətə yervardımı?
Mın bir kədər əlindən
Orda yer qalardımı?
Gəldi cavan bir qızın
Vədəsiz məhəbbəti,
Könlündə dərd əlindən
Bu eşqə yer vardımı?
Bəzən də xanəndənin
Cilvələndi sənəti,
Qəzəllərindən ayrı
Qəzəl oxunardımı?
Doğma sözlərinə də
Qəlbində yervardımı? (Karim, 2004: 33)*

*Пришли, встали у дверей слава, имя.
Эй, великий наставник,
Увы,
Если в сердце место тому имени, той славе?
Из-за тысяч горестей
Есть ли там место?
Пришла к юной девушке
Несвоевременная любовь,
В душе из-за горестей
Есть ли этой любви место?
И порой ханенде
Приукрасило искусство,
Отдельно от его газелей
Пелись бы газели?
И родным словам
Есть ли в душе место?*

Передавание газелей Физули из уст в уста еще при его жизни, пользование современни-

ками, в том числе турецкими поэтами Баги, Зати, его творчеством, известно из истории литературы.

Естественно, что, как и другие поэты, и Али Керим находится под магией стихотворений Физули; и он ищет следы своих предшественников в небесах, подчеркивает, что зажженный ими огонь в небесах вечно пылает:

*Göydə şəfəqlər saçan
Ahına baxdı, daldı.
Dedilər ki, fələklər
Yaratmışdır bu odu,
Fəqət bu oda yanan
Fələklər özü oldu.
Baxıram ucalardan
Gəlir Füzuli səsi.
Görünür ucalarda
Onun nurlu izləri.
O ulduzlar
Füzuli yanğısının közləri,
O Günəş də Füzuli odunun nişanəsi.* (Karim, 2004: 34)

И небеса на пылающий
Огонь посмотрели, задумались.
Сказали, что небеса
Сотворили сей огонь,
Но горящие этим огнем
Небеса погибли сами.
Вижу, с небес
Идет голос Физули.
Видны в небесах
Его светлые следы.
Те звезды
Угольки пламени Физули,
И то Солнце – знак огня Физули.

Али Карим вспоминает Физули и в стихотворении «Азербайджан», именуя его «видящим все оттенки любви мастером с мировым сердцем». В общем, в азербайджанской поэзии XX века Физули представлен в качестве символа всего Азербайджана:

*Azərbaycan!
Odlar yurdu!
Ürəklərin odundan
Yaranmış bir diyar.
Dostuyla hər dərdi-mələli,
Sevinci bir duyar.
Azərbaycan –
Tarixlər şahidi,
Nizamisi sərhədsiz təfəkkürü,
Nəsimisi həqiqət şahidi.
Füzulisi – könlün*

*Hər guşəsindən xəbər verən,
Eşqin bütün çalarlarını görən
Dünya ürəkli bir sənətkar.* (Karim, 2004: 36)

*Азербайджан!
Страна огней!
Из огня сердце
Созданный край.
С другом все беды,
Радость вместе оцуют.
Азербайджан –
Истории свидетель,
Низами с безграничным сознанием,
Насими, что истины шехид.
Физули о душе
Каждом уголке сообщающий,
Видящим все оттенки любви
Мастером с мировым сердцем.*

Али Керим также подчеркивает, что открыл двери искусства и поэзии именно с помощью Физули, отмечает роль своего учителя во вхождении в этот волшебный мир, и полагает его своим учителем:

*Bir axşam dedin ki, möhkəm ol, Əli!
Səninki şeirdir,
Səninki sənət!
Dedin o sözləri bir dostuma da
Nə isə... qisməti deyilmiş əlbət.
Sənin işarənlə tapdım ünvanı,
Döydüm Füzulinin qarısını mən.
Sənin o sözlərin deyilməsəydi,
Nəçiydim indi mən,
Hardaydım görün? (Karim, 2004: 74)*

*Как-то вечером сказал ты, будь стоек, Али!
Твое – поэзия,
Твое – искусство!
Сказал те слова и другу моему
Что ж... не судьба ему, видимо.
По знаку твоему нашел адрес,
Постучался в двери к Физули я.
Если бы не были сказаны те слова твои,
Кем был бы я,
Где находился бы?*

Заключение

Таким образом, вышесказанное показывает значимое место классической литературы в той или иной форме даже в Азербайджанской литературе современного периода. Великий поэт средневековья Физули представлен как символ всего Азербайджана в поэзии XX века.

Литература

- Ахундов М.Ф. – В. Ф. Пустарнаков // Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Т. 1. – Москва: Мысль, 2010. – 2816 с.
- Азероглу Б. Избранные произведения: в двух томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Баку: Азериздат, 1991. – 325 с.
- Gibb E. A history of Ottoman poetry. – Volume 3. – London: Luzac, 1904.
- Джавад А. Избранные произведения. – Баку: Восток-Запад, 2005. – 296 с.
- Керим А. Избранные произведения. – Баку: Лидер, 2004. – 336 с.
- Бертельс Е. Избранные труды. Том 2. Низами и Физули. – Москва, 1962. – 556 с.
- Крымский А. История Турции и её литературы. Т. 1. – Москва, 1910. – 234 с.
- Физули М. Произведения: в шести томах. Т. I. / составитель Г. Араслы, редактор Т. Керимли. – Баку: Восток-Запад, 2005. – 400 с.
- Физули М. Произведения: в шести томах. Т. II том. / составитель Г. Араслы, редактор Т. Керимли. – Баку: Восток-Запад, 2005. – 336 с.
- Физули М. Произведения: в шести томах. Т. III. / составитель Г. Араслы, редактор Т. Керимли. – Баку: Восток-Запад, 2005. – 442 с.
- Физули М. Произведения: в шести томах. Т. IV. / составитель Г. Араслы, редактор Т. Керимли. – Баку: Восток-Запад, 2005. – 344 с.
- Физули М. Произведения: в шести томах. Т. V. / составитель Г. Араслы, редактор Т. Керимли. – Баку: Восток-Запад, 2005. – 224 с.
- Физули М. Произведения: в шести томах. Т. VI. / составитель Г. Араслы, редактор Т. Керимли. – Баку: Восток-Запад, 2005. – 384 с.

References

- Akhundov M.F. (2010). *Novaya filosofskaya ensiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Volume 1. Moscow: Misl: 2010. 2816 p. (in Russian)
- Azeroglu B. (1991). *Izbranniye proizvedeniya* [Chosen works]. In two volumes, the first volume. Poems. Baku:Azerizdat. 325 p. (in Azerbaijani)
- Bertels Y. *Izbranniye proizvedeniya* [Chosen works]. The 2 volume. Nizami and Fuzuli. Moscow, 1962. 556 p. (in Russian)
- Javad A. (2005). *Izbranniye proizvedeniya* [Chosen works]. Baku:Vostok-Zapad. 296 p. (in Azerbaijani)
- Karim A. (2004). *Izbranniye proizvedeniya* [Chosen works]. Baku: Lider. 336 p. (in Azerbaijani)
- Krimskiy A. *Istoriya Tursii i ee literaturi* [The Turkish history and literature]. The 1 volume. Moscow: 1910. 234 p. (in Russian)
- Fuzuli M. (2005). *Proizvedeniya* [Works]. In six volumes. The I volume. Baku: Vostok-Zapad. 400 p. (in Azerbaijani)
- Fuzuli M. (2005). *Proizvedeniya* [Works]. In six volumes. The II volume. Baku: Vostok-Zapad. 336 p. (in Azerbaijani)
- Fuzuli M. (2005). *Proizvedeniya* [Works]. In six volumes. The III volume. Baku: Vostok-Zapad. – 442 p. (in Azerbaijani)
- Fuzuli M. (2005). *Proizvedeniya* [Works]. In six volumes. The IV volume. Baku: Vostok-Zapad. 344 p. (in Azerbaijani)
- Fuzuli M. (2005). *Proizvedeniya* [Works]. In six volumes. The V volume. Baku: Vostok-Zapad. 224 p. (in Azerbaijani)
- Fuzuli M. (2005). *Proizvedeniya* [Works]. In six volumes. The VI volume. Baku: Vostok-Zapad. 384 p. (in Azerbaijani)
- Gibb E. *A history of Ottoman poetry*. The 3 volume. London: Luzac: 1904 (in English)